

КИРА

Если еще немного поднажмут сзади, этот толстый дядька совсем на нее уляжется. Ну неужели нельзя хотя бы немного соблюдать дистанцию! Кира раздраженно уперлась плечом в живот толстяка. Ни с места. Да это не пузо, а бронезилет какой-то! Сказать ему, что ли?

— Мужчина... Мужчина! — Кира побарабанила мужичка по крутому животу, обтянутому застиранной майкой. — Вы не могли бы так на меня э-э-э... Не напирать. А то я просто свалюсь на свою соседку!

Тот кинул взгляд вниз и хмыкнул.

— Ты сидишь, голубушка, а я стою. Как и большинство в этом дерьмовом автобусе! Видали ее! Расселась, еще и недовольна! Такси заказывай или личное авто с шофером! Прынцесса, вишь!

Кто-то сзади громко заржал, автобус дернулся на светофоре, толстяк совсем упал на Киру, она отпихнула его, подлезла под рукой, в нос шарахнуло потом. Кира отчаянно пробиралась к выходу в давке. Наконец толпа выдавила ее из автобусного нутра, и Кира облегченно вздохнула.

Ну и пусть не доехала пару остановок до дома, прогуляется. Ей это нужно, просто пройтись по знакомым с детства улицам, успокоиться. Ужасный был

сегодня день. Во-первых, поссорилась с Машкой, лучшей подругой. Из-за ерунды какой-то. Кира стала возмущаться, что из-за этой, как ее... специальной военной операции, что так внезапно началась, ушли с российского рынка брендовые магазины, и во что мы теперь будем одеваться?!

На страну и русских обрушились будто тонны грязи, нас все ненавидят, началась паника. Вчера узнала, что ее одноклассник Мишка, талантливый программист, рванул в Латвию, там у него бабушка жила... Не будет работать «Макдоналдс», закрывают границы, перестают выдавать визы...

Это что, опять железный занавес? Предположим, при нем Кира не жила, но много слышала от родителей. Толком никуда не могли пойти, в ночной клуб там или арт-пространство. Да и не было их вовсе. Не могли поехать за границу, только в так называемые соцстраны, и обязательный сопровождающий в группе от этих самых... От «органов».

Папа рассказывал, как дедушка ездил таким сопровождающим. Типа руководитель группы. Да какой сопровождающий, соглядатай это, шпион самый настоящий! Шпионил за людьми, подслушивал, подсматривал. Ну и отвечал за то, чтобы никто не сбежал, наверное.

И вот когда она стала все это Машке говорить, та на нее как-то странно посмотрела. Тебе что, спросила, эти поездки важнее того, что людей в Донбассе уже восемь лет убивают? Детей, стариков? Важнее жизни той малышки и ее мамы из Луганска, которую

разорвало снарядом? Нет, она в своем уме, как можно это сравнивать?

Ах, да, забыла, у них же в Луганске родственники, Маша рассказывала, что там какие-то ужасы происходят, а люди не уезжают, ополчение даже собрали. Еще восемь лет назад. Но что бомбить их будут, не ожидали. И правда, гадство это. На своих же жителей бомбы! В голове не укладывается. Но ведь это другое государство уже. Получается, мы с соседями теперь воюем? Со славянами, со своими, значит... Братьями, получается, как бы они ни открещивались.

Кира все эти аргументы предъявляла, втолковывала подруге. Нет, ну разве она неправа? Конечно, Машка никуда не ездила: ни по России, ни за границу тем более, у нее мама очень больна, не до того им. А Кире было жалко все путешествия, накрывшиеся медным тазом. Вон Испанию планировали, Грецию. А теперь только Турция и осталась. Слово за слово, Машка надулась, схватила свою сумку со стола и выбежала из аудитории. Понятно, нервы у нее сейчас на пределе. Но так ведь тоже нельзя. Только о себе думать!

Кира досадливо поморщилась и пнула камешек, попавшийся на дорожке. Нет, с Машкой нужно помириться, ясен пень. И Артема сегодня не было на парах, а Кира так хотела его увидеть. Артем, Тема, Темыч...

Да понятно, про слишком красивых мужчин она сто раз слышала от девчонок: зачем нам такие красавцы, мучайся потом с ними, от ревности загнешься раньше времени. Но Кира ничего не могла с собой поделывать, ее как молния ударила, когда она увидела

его в первый раз на общем собрании первокурсников. И красота здесь ни при чем, так она себя уговаривала. А если это любовь? Да, с первого взгляда. Ну а разве она дурнушка? Нет, вполне себе симпатичная стройная девица, и ухажеры у нее были. В школе вон Генка... Вспомнив про Генку, Кира снова поморщилась. Эту историю она старательно забывала уже пару лет. Забыла, считай.

Ну и во-вторых... Утром мама чуть ли не ультиматум поставила. Мол, теперь, дорогая доченька, придется слегка пересмотреть свои хотелки. В сторону уменьшения. У ее отчима Степана обнаружилось не сильно тяжелое, но довольно неприятное заболевание, нужна операция. Он основной кормилец в семье. И вообще... Надо так надо. Но стоит операция дорого, и новый айфон, который ей обещали на день рождения, теперь будет ехидно ухмыляться с витрины магазина.

Короче, не видать ей его как своих ушей без зеркала. Намекнула бабушке: поможешь? Но та даже разговаривать на эту тему не стала. «Ты же знаешь, Кириуш, у нас в приюте беженцы. Я и так туда почти всю пенсию отдаю...» Только и слышно вокруг: специальная военная операция (ее уже коротко называют СВО), беженцы, фонды, сборы! Почему это все должны люди оплачивать?

Да, во время той, Отечественной, войны люди тоже все свои сбережения отдавали, танки даже были именныe. Но ведь сейчас совсем другое время! Бабушка несколько раз намекала, чтобы Кира помогла

им в приюте. Но обида жгла Киру, и она никак не могла отделаться от мысли, что все вокруг против нее и так и норовят лишний раз сообщить, какая она бесчувственная.

Но как-то быстро они забыли, что Кира все время подрабатывает санитаркой в гнойном отделении, а в прошлые каникулы вместо того, чтобы укатить с друзьями на море, осталась с Машиной мамой в городе, а Машку отпустила отдохнуть. Так еще и с их псом Пряником возилась, когда он что-то на улице сожрал и его всю ночь тошнило.

Вот так всегда и бывает. Правильно в мультике пела старуха Шапокляк: «Кто людям помогает, тот тратит время зря, ха-ха!» А тут еще этот автобус и противный потный мужик! Все одно к одному. Настроение совсем испортилось. Она зашла в свой подъезд, нашарила в сумке ключи. Хоть бы никого не было дома, сейчас пристанут с расспросами: что да как, чего ты такая грустная и т. д. и т. п.

* * *

Кира открыла дверь и увидела на вешалке пальто бабушки Ани. Ну да, сегодня она хотела зайти, что-то маме передать. Или забрать. Неважно. Она здесь, на кухне, похоже, и сейчас начнутся расспросы. Кира вздохнула, стала ожесточенно стаскивать ботинки — запутались шнурки. Она стянула их кое-как, отшвырнула и попала прямо в кота Мартина, не вовремя высунувшегося из-под вешалки. Кот заполошно мяукнул и метнулся на кухню, жаловаться.

Из кухни выглянула бабушка.

— Что-то случилось? Ты что такая... взбудораженная? — Анна Петровна сделала паузу, словно искала слово помягче. Но Кире было все равно. Она не собиралась ни перед кем отчитываться. Молча прошла в свою комнату, хлопнула дверью. Да, некрасиво. Тогда нечего лезть к ней! Видно же, что человеку плохо!

Кира упала на кровать и накрыла голову подушкой. Но бабушка не заходила, больше вопросов не задавала, и Кира понемногу успокоилась. Она стала перебирать в памяти сегодняшние происшествия, взвешивая их значимость, и уже совсем было решила позвонить Машке, как дверь в комнату приоткрылась.

— Я просто сказать, что ухожу, — бабушка помолчала. — Работы много, беженцы снова приехали, большая партия...

Вот этого ей говорить было не нужно. Кира почувствовала, как ее уносит волна негодования и еще чего-то нехорошего, некрасивого, за что в обычной жизни ей стало бы стыдно. Буквально через минуту стало бы. Но она больше не могла сдерживаться. Не хотела.

— Беженцы, беженцы! Кругом только и слышно: война, фронт, СВО еще какое-то выдумали! — Кире словно что-то толкнуло. Будто снова вошедшее в обиход слово «беженцы», произнесенное вслух, включило в ней сигнал протеста, оголенные провода внезапно заискрили. — Зачем нам это все, ты можешь мне ответить? Это не наша война! Вот зачем мы в нее влезли, а? Жили бы себе, никого не трогали,

и нас бы никто не трогал! А теперь все нас ненавидят, одни угрозы, границы закрыли, визы не выдают! Все шмоточные магазины от нас отказались, бренды все ушли. Был туризм — и где он сейчас? Мы с детства знали: весь мир открыт. Теперь все закрыли. Ага, Турция осталась, только туда как-то не хочется после сообщений в СМИ о драках с украинцами. Новые иностранные фильмы... Ну, вся надежда на пиратов, но как-то это гадко.

Кира ударила кулаком по подушке, словно это она была во всем виновата. Подушка промолчала, а Кира завелась еще больше.

— Зарубежные звезды вообще больше не приедут. Знаю, ты скажешь сейчас: пустяки. Хорошо, с трудом, но соглашусь. Смотрим российский спорт, одеваемся на рынке, да и старина Хэм с Ремарком остались. Про «наше все» молчу. Но главное-то не это! Нас всех оставили на краю... Помнишь крепость Нарын-кала в Дербенте? Там еще такая площадка обрывается вниз, с нее, нам гид говорила, пленных сбрасывали. Так вот, мы все на такой площадке стоим с завязанными глазами. Что будет, если сделать шаг? А можно просто умереть в двадцать лет. Представить сейчас хоть какое-то приличное будущее нереально, надо серьезно включить фантазию. И то вряд ли получится увидеть свет в конце тоннеля. Все мы, русские, теперь виноваты. Ах, не мы убиваем? А это никому неинтересно! Теперь типа друзья и партнеры бывшие, поухавшие в том числе, нам возмездие обещают и клянут что есть сил! — Кира это выпалила на одном дыхании. — Так

еще и «Макдоналдс» закрывается. Сегодня последний день!

— О Господи, — с облегчением выдохнула бабушка, — я уж подумала, труп в прозекторской вскочил во время занятия и откусил у тебя кусок беляша, который, я знаю, ты жуешь втихаря от препода.

Кира не собиралась сдаваться.

— Да конечно, тебе смешно! Вам все время весело. Только и можете повторять: нам бы ваши проблемы! А они есть, проблемы эти! Вам на них плевать. И на нас вам плевать! Вы все за нас решаете. А нас кто-нибудь спросил: нафига мы на эту Украину поперлись, что мы там забыли? Мы же тоже граждане этой страны! Как голосовать, так обязательная явка, как на митинг какой официальный — обеспечьте явку от факультета, на «Бессмертный полк» — чтобы была колонна...

Кира махнула рукой и отвернулась, мол, что тебе объяснять, ты сейчас мне снова мораль читать начнешь про родителей своих да про войну. Сто лет назад эта война была, все забыть никак не могут.

Она театрально всхлипнула. Но ответа не последовало.

Бабушка стояла у стола, зачем-то подравнивала сваленные в стопку Кирины тетради. Она сложила ручки, вставила их к карандашницу, смахнула невидимую пыль. Кира только хотела что-то съязвить, как бабушка заговорила:

— Тут на днях такой случай произошел. Есть у нас повариха Оля, ворчит все время, ругается, мол, еще на

нашу голову привезли, корми их тут всех, а наши дети чем хуже? Мы ее успокаиваем, пытаемся объяснить. Просто муж у нее пьющий, она одна детей тянет, вот и сдают нервы. А вчера...

Бабушка повернулась к Кире и посмотрела ей прямо в глаза. Кира отвела взгляд: такого выражения лица бабушки она не помнила.

— А вчера... Оля что-то совсем разбушевалась и как швырнет половник, тот об кастрюлю пустую, а кастрюля — на пол кафельный. С грохотом. И вдруг дети, что были в столовой, молча упали на пол, старшие прикрыли младших. И так лежали, пока не подбежали воспитатели и родители... Первое время, как они приехали, если где-то какой-то шум или выстрел, заходишь, они уже с пакетами стоят. Если поблизости что-то грохнет, они в доме под стенкой сидят.

Бабушка замолчала, еще раз поправила уже аккуратную стопку и вышла из комнаты. Обиделась, наверное. Ну так что ж, Кира тоже имеет право на свое мнение. И ее друзья имеют. Они взрослые люди. Нечего всех под одну гребенку грести.

Она достала телефон. Быстро набрала в мессенджере: «Тём, поехали в “Мак” ночью, типа прощаться, он седня последний день работает. Машке напиши. Она на меня надулась, может не ответить».

Звякнул ответ: «А твой отчим отвезет нас? А то потом как назад?» Кира: «Ну щас буду уговаривать, он любит, когда я подлизываюсь». Маша на ее сообщения и послания Артема так и не ответила.